

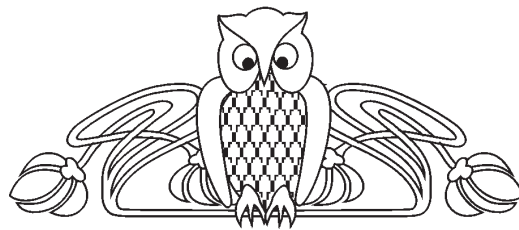
- (municipal'nyh) funkcij i uslug: problemy i perspektivy [Delineation of powers between the Russian Federation and the subject on the Russian Federation on the basis of state (municipal) functions and services: problems and prospects]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Government and local government], 2011, no. 9, pp. 23–27.
15. Ivanov V. V., Korobova A. N. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie s ispol'zovaniem informacionnyh tehnologij* [State and municipal management using information technologies]. Moscow, 2010. 384 p.
 16. Kontseptsija snizhenia administrativnykh bar'yerov I povysheniya dostupnosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug na 2011–2013 gody: rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 10 iyunya 2011 g. № 1021-r [The concept of reducing administrative barriers and increasing the availability of public and municipal services for 2011–2013. Resolution of the Russian Government of 10 June 2011 № 1021-r]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 26, art. 3826.
 17. Solomatina O. V. K voprosu o principah predostavlenija municipal'nyh uslug (opyt Rossii i stran Severnoj Evropy) [On the question of the principles of state and municipal services (the experience of Russia and the Nordic countries)]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, no. 8, pp. 61–65.
 18. Kutafin O. E., Fadeev V. I. *Munitsipal'noye pravo Rossijskoj Federacii* [Municipal law of the Russian Federation]. Moscow, 2006. 559 p.
 19. Kostjukov A. N. Principi mestnogo samoupravlenija [The principles of local self-government]. *Mestnoe pravo* [Local rule], 2002, no. 3–4, pp. 77–83.
 20. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravlenija gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh rayonov: ukaz Prezidenta RF ot 28 aprelya 2008 g. № 607. [On the evaluation of the effectiveness of local government urban and municipal districts. Presidential Decree of 28 April 2008 № 607]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 18, art. 2003.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

К. А. Минаев

аспирант кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: K.A.Minaev@yandex.ru

Введение. В статье обсуждаются теоретические и практические вопросы материализации лимитов меры возможного поведения лица в правоотношениях. Исследование проводится в контексте частно-правовой и публично-правовой сфер жизни общества. В конечном счете, поднята проблема особенностей юридической легализации ограничений частных и публичных прав личности. Сущность этих групп прав характеризуется особенностями их лимитации и соотношения с законными интересами человека и гражданина. **Теоретический анализ.** Широко использовался диалектический подход, а также логические приемы анализа и синтеза. Первый проявил себя в ходе раскрытия сущностных характеристик частных и публичных прав личности при их дифференцированном изучении, второй – при формулировании закономерных выводов по итогам работы.

Обсуждение результатов. Отражена необходимость выделения частных и публичных прав личности в процессе легализации ограничений прав и свобод, выведены и охарактеризованы особенности этих прав, критерии их разделения. Даются ответы на наиболее проблемные вопросы, в частности: чьи права подлежат легализации ограничений в первую очередь; какова должна быть степень ограничительного воздействия на них; к каким последствиям это может привести.

Ключевые слова: юридическая легализация, ограничения прав и свобод, публичные права, частные права.

Введение

Основное назначение права как регулятора общественных отношений – создание упорядоченной системы, в которой поведение субъектов является правомерным, основанным на принципе законности. Данное утверждение в равной степени справедливо для всех сфер жизни общества: как для частных правоотношений, где субъектами являются частные лица, так и для публичных, где взаимодействие происходит между частным лицом и публичной властью. Второго аспекта хотелось бы коснуться несколько подробнее.

Элементом любого, в том числе публичного правоотношения являются субъективные права и свободы. В последнем случае они носят публично-правовой характер. Теория публичных прав личности имеет давнюю историю, родоначальником ее следует признать немецкого ученого-позитивиста Г. Еллинека. По его мнению, индивидуальные публичные права имеют ряд особенностей, в частности: связа-

DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-3-342-347

ны непосредственно с личностью; не имеют в свою противоположность иных частных прав; порождают публично-правовые притязания, вытекающие из определенного положения лица по отношению к государству и обуславливающие тем самым статус лица. Одновременно с этим названные притязания можно разделить на три группы. К первой из них относится возможность индивидуального проявления личности, которая образуется за вычетом правовых ограничений и образует тем самым индивидуальную свободу лица. При этом фактическая свобода появляется вследствие ограничения правом государственной власти. Вторую группу образуют притязания на положительные действия со стороны государства в интересах личности. К третьей группе относятся притязания на возможность участия в осуществлении государственной власти [1, с. 304–309]. Заслугой Г. Еллинека является также то, что он обратил внимание на значимость, по сути, именно легализации ограничений как индивидуальных, так и государственных притязаний.

Концепция публичных прав личности была воспринята и получила развитие благодаря трудам отечественных правоведов, в частности, В. Н. Дурденевского, А. И. Елистратова, Б. А. Кистяковского, А. А. Рождественского, Б. Н. Чичерина и др. Эта тема, практически забытая в советской литературе, в современной отечественной юридической науке переживает свое возрождение [2, с. 46–47; 3, с. 261–262; 4, с. 20–25; 5; 6, с. 65–73; 7].

Теоретический анализ

Суть же публичных прав и свобод, в современной их интерпретации, следует сводить к тому, что их носитель либо сам выступает субъектом публично-правовой деятельности, либо вступает в отношения с организациями публичной власти, основное место среди которых, безусловно, принадлежит государству. В качестве примера первого из названных критериев можно привести публично-правовой статус лица, обуславливающий появление у него определенных полномочий. В частности, у должностных лиц органов государственной или муниципальной власти, государственных и муниципальных служащих, общественных инспекторов, привлеченных на общественных началах для проведения проверки в соответствии с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [8], и т.п. Примером второго критерия является вступление лица в публичные правоотношения, в частности, связанные с оспариванием нормативных и ненормативных правовых актов полностью или в части, решений и действий

(бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, защитой своих политических интересов и т.п. [9, 10].

Следует отметить тот факт, что проведение процедуры юридической легализации априори предполагает взаимодействие публичной власти и личности. При этом указанная связь отнюдь не всегда обуславливает материализацию лимитов именно публичных прав. Ограничиваться могут любые права, в том числе касающиеся исключительно взаимодействия частных интересов разных лиц.

Таким образом, современное российское законодательство позволяет выделить две группы прав: частные и публичные. Критерием для такой дифференциации является наличие или отсутствие прямого взаимодействия субъекта с организациями публичной власти: государством, органами местного самоуправления и общественного контроля, если последним делегированы властные полномочия, а также защита публичных интересов, для достижения которых требуется право. В целях раскрытия концепции легализации ограничений представляется необходимым раскрыть особенности материализации лимитов названных групп прав и свобод.

Субъективные права и свободы существуют в целях удовлетворения законных интересов их носителя. Исходя из этого, проблема особенностей легализации ограничений частных и публичных прав связана только с соотношением интересов различных лиц. Иначе говоря, потребность в лимитации меры возможного поведения появляется в том случае, если происходит конфронтация, столкновение интересов различных лиц, создаются условия для их ущемления или злоупотребления правом.

В частных правах речь идет о партикулярных интересах лица, связанных с его личными материальными и духовными потребностями. Основная сложность их правового регулирования возникает в том случае, если эти потребности являются диаметрально противоположными у участников одного и того же правоотношения. Для создания равных правовых возможностей в достижении своих интересов права и свободы должны быть в равной степени лимитированы.

Однако в ходе легализации ограничений уполномоченный на проведение данной процедуры субъект, как правило, сталкивается с рядом трудноразрешимых вопросов, в частности: чьи права должны ограничиваться в первую очередь, какова должна быть степень такой лимитации, как повлияет легализация ограничений на фактическое поведение субъектов? Попытаемся

дать ответы на каждый из них в контексте двух рассматриваемых групп прав.

Одним из основных средств для разрешения первого вопроса является определение сущности правового статуса участников правоотношения. Прежде всего, речь здесь идет об объеме правовых возможностей названных субъектов, которые они могут использовать. В частности, отношения работодатель – работник изначально предполагают их правовое неравенство, которое должно учитываться в ходе легализации ограничения их прав. В этом смысле сложно представить универсальную методику такой лимитации, однако основным критерием должна оставаться идея о необходимости легализации ограничений прав именно того лица, которое имеет большее количество возможностей для фактического осуществления своих потребностей. Необходимо также исключить или, в крайнем случае, минимизировать возможность оказания давления одним субъектом в отношении другого, когда нарушается принцип равноправия.

В ходе ограничения публичных прав эта проблема в некотором смысле нивелирована различными типами правового регулирования. Так, для граждан в доминирующем количестве отраслей российского права действует общедозволительный тип правового регулирования, строящийся на принципе «разрешено все то, что прямо не запрещено законом», т. е. доминируют диспозитивные начала, в то время как для государственных и муниципальных органов, а также их должностных лиц действует иной, разрешительный тип, берущий в основу принцип «запрещено все то, что прямо не разрешено законом». Хотя тезис о том, что названной проблемы в сфере публичных прав нет совсем, был бы явным преувеличением действительных обстоятельств жизни.

В отдельных случаях при столкновении интересов государства и личности должны быть легализованы именно права и свободы последней. Прежде всего, когда речь идет о необходимости защиты интересов социального множества: групп граждан, национальных меньшинств, народа в целом, а также если под угрозой находится суверенитет и независимость самого государства. Так, в частности, в целях строительства или реконструкции объектов федерального, регионального или местного значения, создания или расширения особо охраняемой природной территории, для исполнения условий международного договора, для проведения работ, связанных с пользованием недрами, в случае признания расположенного на земельном участке многоквартирного дома аварийным, подлежащим последующему сносу или реконструкции, дей-

ствующее законодательство Российской Федерации закрепляет возможность принудительного изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд [11].

В свою очередь, сложность легализации ограничений частных прав усиливается тем, что их носители могут иметь равный правовой статус. В этом случае ссылаться на объем правовых возможностей не приходится, так как он является примерно равным. Здесь легализующему ограничению прав субъекту необходимо принимать во внимание иные принципы. Первым стоит назвать охарактеризованный в ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению. Так, в любом случае не могут ограничиваться: право на жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, связанной с личной или семейной тайной, свобода совести и вероисповедания, свобода использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право на жилище, право на судебную защиту своих прав, на получение квалифицированной юридической помощи, право на использование принципа презумпции невиновности при доказывании в уголовном процессе, право на компенсацию от причиненного морального вреда и имущественного ущерба и т.д. [12]. Второй принцип касается защиты, в первую очередь, личных прав, исходящих от самой природы человека, по сравнению с правами политическими, социально-экономическими и культурными. Таким образом, если вступают в противоречие, к примеру, право на тайну переписки, телефонных переговоров и почтовых сообщений, которое относится к личным правам со свободой слова, традиционно относимой к политическим правам, должно подлежать легализации ограничений именно последнее. Если же права и свободы, обеспечивающие достижение противоположных интересов, у разных лиц являются однотипными, то в этом случае необходима взаимная легализация ограничений этих прав либо создание компенсирующей такую лимитацию возможностей для удовлетворения своих интересов тем лицом, чьи права подлежат ограничению. При этом за основу должна браться именно фактическая возможность, т. е. просчитываться ее практическая осуществимость в реальности.

Последнее утверждение является частичным ответом и на второй из представленных выше вопросов: какова должна быть степень материализации лимитов меры возможного поведения субъектов? Исходным началом, руково-

дающей идеей, которая ложится в основу при его разрешении, является принцип юридического равенства.

Идея юридического равенства – это не только идея, но и трудноосуществимый социальный идеал, выносившийся в качестве предмета осмысления и обсуждения еще в политико-правовых концепциях Античности и стран Древнего Востока. Данная тема является предельно широкой, носящей междисциплинарный характер. В контексте легализации ограничений прав человека уполномоченному на проведение этой процедуры субъекту необходимо понимать, что принцип юридического равенства не является статичным. По своей сути он предполагает равные возможности для осуществления своих прав и свобод на практике. Иначе говоря, речь идет о фактически реализуемых возможностях, гарантированных правом в конкретном правовом отношении, что в определенном смысле упрощает поставленную задачу.

Одной из основополагающих целей материализации лимитов меры возможного поведения является создание равных условий для использования своих прав, соблюдения запретов и исполнения обязанностей. Анализ конкретного правоотношения позволяет вывести ряд как уже осуществляемых, так и реальных для такого осуществления социальных связей. Этот анализ открывает возможность для эффективного правового регулирования, позволяет действительно материализовать лимиты возможного поведения тех или иных лиц.

Таким образом, конкретная степень материализации меры возможного поведения лица должна определяться, основываясь на равенстве фактически реализуемых возможностей всех участников правоотношения, при детальном анализе социально-правовых связей, входящих в это правоотношение.

В качестве третьего вопроса, который встает перед легализующим ограничения прав и свобод субъектом, следует обозначить проблему выявления воздействия материализуемых лимитов возможного поведения лица положений на практическое поведение последнего.

Стоит отметить тот факт, что ответ на данный вопрос зачастую упускается из виду. Возможно, это связано с тем, что обозначенная проблема носит резолютивный характер по отношению к самой процедуре легализации ограничений и не включена в ее содержание, а относится, скорее, к итогам легализации.

Между тем значимость ответа на данный вопрос трудно переоценить, поскольку любой правовой акт должен издаваться не ради номи-

нального наличия предписывающих определенный вариант поведения положений, а для реального воплощения в жизнь такого поведения на основе регулирующего воздействия первых.

Для легализации ограничений это обстоятельство актуально вдвойне. Проводящему ее субъекту необходимо ответить на ряд достаточно важных для общества и государства вопросов. В их числе: будут ли ограничения действенными, не приведут ли они к маргинализации общества или рассогласованности социальных связей в нем, не упадет ли авторитет права в глазах людей?

Эти вопросы можно признать пограничными по отношению сразу к ряду правовых категорий: правопорядку, правовому поведению, правосознанию, правовой культуре и т.д. В целом же они характеризуют эффективность правового регулирования, т. е. призваны отразить соотношение его цели и результатов. В идеальном варианте все недочеты правового регулирования и оценка его эффективности должны осуществляться еще на стадии проведения отдельных юридических процедур, в том числе в процессе осуществления легализации ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Обсуждение результатов

Государство должно стимулировать социально-активное правомерное поведение, бороться с его девиациями, способствовать формированию необходимого уровня правового сознания и правовой самооценки личности в обществе. В этом аспекте выразим концептуальное согласие с позицией Е. Н. Лебедевой, говорящей о том, что жизнеспособность развития правостимулирующей политики зиждется на самой правовой реальности, где многие правовые отношения возможно отрегулировать стимулирующими средствами или получить качественный скачок развития при их помощи. Одновременно с этим автор отмечает: «В сущности правового стимулирования лежит взаимодействие внешних юридических условий и внутренней психологической структуры личности» [13, с. 31, 37]. То есть стимулирующее воздействие должно быть сопряженным с самим правовым регулированием в целом и его юридическими процедурами в частности.

Из сказанного следует вывод: легализацию нельзя воспринимать и проводить формально, вне построения логических параллелей с реальной жизнью, взаимодействием тех лиц, которых она касается, без связи с внутренними убеждениями и оценками этих лиц. Это требует согласованной работы уполномоченных на про-

ведение характеризуемой процедуры органов и их должностных лиц, в ряде случаев связанной с привлечением необходимых специалистов (психологов, социологов, политологов, экономистов и т.п.) и создания соответствующих консультативных комиссий.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что проведение процедуры материализации лимитов меры возможного поведения человека не должно быть излишне поспешным. Важно учитывать ее результаты, а также просчитывать возможное возникновение проблем от ограничительного воздействия на практике.

Список литературы

1. *Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. 2-е изд. испр. и доп. / под ред. С. И. Гессена. СПб., 1908. 619 с.
2. *Вестов Ф. А.* Власть и личность в правовом государстве // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 46–49.
3. *Глухарева Л. И.* Права человека в современном мире. М., 2003. 303 с.
4. *Дорохин С. В.* Деление права на публичное и частное : конституционно-правовой аспект. М., 2006. 136 с.
5. *Зеленцов А. Б.* Субъективное публичное право. М., 2012. 146 с.
6. *Стариков А. Ю.* Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М., 2001. 304 с.
7. *Федосенко В. А.* Субъективные публичные права: теория и практика. М., 2007. 144 с.
8. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4213.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 06.04.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 06.04.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ, гл. 71 (введен Федеральным законом от 31 дек. 2014 № 499-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1 (ч. 1), ст. 52.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в ред. 21 июля 2014), ч. 3 ст. 80, п. «д» ст. 84, п. «б» ст. 86, ч. 2 ст. 87, ст. 88, 90, 105, 107–108, 115 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
13. *Лебедева Е. Н.* Правостимулирующая политика в современной России : общетеоретический аспект / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2014. 208 с.

Problems of Legalization of Restrictions of the Private and Public Rights of the Personality

K. A. Minaev

Saratov State Law Academy,
104, Chernyshevskogo str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: K.A.Minaev@yandex.ru

Introduction. In article theoretical and practical questions of a materialization of limits of a measure of possible behavior of the person in legal relationship are discussed. Research is conducted in the context of private law and public law spheres of life of society. Eventually, is particularly raised the problem the legal restrictions legalization of public and private rights of the individual. The essence of these groups of the rights are characterized by features of their limitation and ratio with legitimate interests of the person and citizen. **Theoretical analysis.** When writing this article it was widely used dialectical approach and logical methods of analysis and synthesis. Where the first proved during disclosure of intrinsic characteristics of the private and public rights of the personality at their differentiated studying. And the second – at a formulation of natural conclusions following the results of work. **Discussion of the results.** Reflected the need for public and private rights of the individual in the process of legalization of restrictions on the rights and freedoms derived and characterized the characteristics of these rights, the criteria for their separation. Answers to the most problematic issues, in particular are given: whose rights are subject to legalization of restrictions first of all; what should be the extent of restrictive influence on them; to what consequences it can lead.

Key words: legal legalization, restrictions of the rights and freedoms, public rights, private rights.

References

1. *Ellinek G.* *Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1. Obshhee uchenie o gosudarstve* [Right of the modern state. Vol. 1. General Doctrine of State. 2nd ed. Ed. by S. I. Gessen]. St. Petersburg, 1908. 619 p.
2. *Vestov F. A.* *Vlast' i lichnost' v pravovom gosudarstve* [Authority and Individual in Rule-of-law State]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2008, vol. 8, iss. 1, pp. 46–49.
3. *Gluhareva L. I.* *Prava cheloveka v sovremennom mire* [Human rights in the modern world]. Moscow, 2003. 303 p.
4. *Dorohin S. V.* *Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitucionno-pravovoj aspekt* [Division of the right on public and private: constitutional and legal aspect]. Moscow, 2006. 136 p.
5. *Zelencov A. B.* *Subektivnoe publichnoe pravo* [Subjective public law]. Moscow, 2012. 146 p.
6. *Starilov A. Yu.* *Administrativnaja justicija. Teorija, istorija, perspektivy* [Administrative justice. Theory, history, perspectives]. Moscow, 2001. 304 p.
7. *Fedosenko V. A.* *Subektivnye publichnye prava: teorija i praktika* [Subjective public rights: theory and practice]. Moscow, 2007. 144 p.
8. *Ob osnovah obshhestvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 21 ijulja 2014 g. № 212-FZ* [About bases of public control in the Russian Federa-

- tion. Federal law of 21 July 2014 № 212-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. I), art. 4213.
9. Grazhdanskiy processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (v red. ot 06.04.2015) [Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ (in an edition of 06.04.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 46, art. 4532.
 10. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (v red. ot 06.04.2015) [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-FZ (in an edition of 06.04.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 30, art. 3012.
 11. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25 oktjabrja 2001 № 136-FZ (vveden Federal'nyim zakonom ot 31 dek. 2014 № 499-FZ) [The Land Code of the Russian Federation of 25 October 2001 № 136-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no 1 (pt. I), art. 52.
 12. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 g., v red. 21 ijulja 2014.), ch. 3 st. 80, p. «d» st. 84, p. «b» st. 86, ch. 2 st. 87, st. 88, 90, 105, 107–108, 115 [The Constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote on 12 December 1993, in an edition on 21 July 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398.
 13. Lebedeva E. N. *Pravostimulirujushhaja politika v sovremennoj Rossii: obshheteoreticheskij aspekt* [Stimuli legal policy in modern Russia: general theoretical aspect. Ed. by A. V. Malko]. Saratov, 2014. 208 p.

УДК 342.41

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Р. А. Торосян

аспирантка кафедры конституционного и муниципального права,
Саратовский государственный университет
E-mail: rima_t@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию международных стандартов гендерного равенства, закрепленных в международно-правовых актах. **Обсуждение.** В результате исследования международно-правовых документов делается акцент на самую большую группу международно-правовых стандартов, к которым относятся права и свободы человека и гражданина. Особое внимание уделено причинам, согласно которым деятельность международных организаций была в большей степени направлена на защиту прав женщин, подверженных дискриминации. Сделан вывод, что женщины подверженные ранее гендерной дискриминации, в целом достигли того же уровня, что и мужчины при реализации своих прав. Однако в силу того, что женщинам уделяется больше внимания как на международном, так и на национальном уровне, возникают сферы, в которых дискриминируются мужчины. **Заключение.** В результате анализа деятельности международных организаций и международно-правовых документов, закрепляющих международные стандарты гендерного равенства, автор приходит к выводу, что в основу рассмотренных международных документов в области прав человека положены такие важные принципы, как равноправие полов и недопустимость дискриминации по признаку пола. Однако реализация положений международных документов, содержащих международные стандарты обеспечения гендерного равенства, осуществляется не в полной мере, что вызвано отсутствием эффективных национальных механизмов защиты от дискриминации по признаку пола.

Ключевые слова: международное регулирование, мужчины и женщины, международные стандарты гендерного равенства, дискриминация.

DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-3-347-352

Введение

Международное регулирование, направленное на обеспечение гендерного равенства, играет роль основных стандартов, к которым необходимо стремиться государствам в своей правовой деятельности. Под международными стандартами принято понимать конкретные международно-правовые предписания в области обеспечения гендерного равенства.

Международные нормативные акты, конвенции, декларации, пакты, содержат две группы стандартов в сфере правовой защиты человека, такие как: права и свободы человека; ограничение прав. Самую большую группу международно-правовых стандартов составляют права и свободы человека и гражданина [1].

Международное сообщество после окончания Первой мировой войны пыталось найти пути устойчивого развития человечества и именно в данный момент признало равноправие мужчин и женщин как один из главных факторов стабильности в мире. После этого Организация Объединенных Наций приняла ряд документов, направленных на обеспечение равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин.

Обсуждение

Так, впервые на международном уровне равноправие между мужчинами и женщинами было